

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава тридцать шестая

Войткевич, Войнич, Вайнилович и примкнувший к ним Граков

Без поблажек

Когда в нашей вечерней школе подошел срок сдачи выпускных экзаменов, я никаких предметов не боялся, кроме алгебры. В седьмом классе я знал ее плохо, а в десятом вообще запустил. Нам раздали для подготовки экзаменационные билеты. Двадцать пять билетов – в каждом два вопроса и одна задача. Из отпуска, полученного мною на работе, на алгебру, по моим расчетам, приходилось пять дней. Я подумал, что если разделить количество билетов на дни, получится всего-то по пять билетов в день. Неужели их нельзя выучить наизусть? И начал учить всю алгебру с шестого по десятый класс. Но потом решил подстраховаться и первый и последний раз в жизни написал шпаргалки. А когда написал, понял, что они мне теперь не нужны, потому что, пока писал, все запомнил. И на экзамен шел спокойный. Думал, что на вопросы отвечу и даже если задачу не решу, тройку все-таки мне поставят.

Нас в классе рассадили так: в первом ряду на трех партах те, кто уже взял билеты, дальше ожидающие своей очереди отличники, сзади остальные. Я вытянул билет, убедился, что с вопросами проблем не будет, а задачу решить даже не пытался, передал билет отличнику. Те сосредоточились, но задачу тоже не решились. «Ладно, – подумал я, – придется удвоить тройку». Но те, кто сидели передо мной, отвечали долго, я посмотрел на задачу внимательно и увидел, что она решается очень просто. Подошла моя очередь. Быстро ответил на вопросы, подошел к доске, стал решать задачу.

Экзамен принимал учитель физики. Мама была ассистентом. Еще до результата не дошел, а мать – она ж у меня принципиальная – говорит:

- Неправильно.
- Я опешил:
- Как неправильно?!
- Экзаменатор:
- Правильно, правильно...

Вижу, он говорит «правильно» не потому, что так думает, а готов ради матери сделать мне снисхождение.

Я разозлился на обоих и сказал:

– Я утверждаю, что решаю правильно. Вот посмотрите. Мне никаких поблажек не надо. Эта задача решается так...

Домашняя мать оправдывалась тем, что хода моей мысли сразу не поняла и видела, что задачу можно решить короче. Но согласилась со мной, что свою пятерку я заработал честно.

Инструктор исполкома

Мой одноклассник Сидоренко, узнав, что я ищу работу, предложил мне должность инструктора Приморского райисполкома. Звучит громко, а на самом деле должность была маленькая и низкооплачиваемая. Но я заинтересовался и согласился.

Моим непосредственным начальником был ответственный секретарь этой конторы Шутов, один из старейших советских работников. Советских – не в том смысле, как советский инженер или советский летчик, а как работник Совета депутатов трудящихся, то есть органа, который формально являлся советской властью. Шутов был личностью колоритной. Он получал неплохую зарплату, не сравнить с моей, и брал взятки у всех, кто ему их давал. Но пропивал и зарплату, и взятки и ходил всегда в кирзовых сапогах и в солдатском х/б без погон. Денег у него не хватало даже на дешевые папиросы, поэтому он курил «козью ножку», то есть махорку, завернутую особым образом в клочок газеты. Воевать Шутову не пришлось, но где-то он потерял три пальца правой руки, а оставшимися двумя пользовался очень ловко.

Мое рабочее место было в общей приемной, где сидели еще две женщины – заведующие отделами и секретарь-машинистка. Справа от меня был кабинет предсе-

ГЕННАДИЙ НОВОЖИЛОВ

дателя, слева – Шутова. Шутов приходил на работу раньше всех, а председатель позже всех. Придя, оба запирались в своих кабинетах. Председатель, если ему что-нибудь было нужно, вызывал к себе звонком заведующую отделом, а Шутов изредка выскакивал сам и клал мне на стол очередную бумагу со своей резолюцией. Фамилию мою он запомнить не мог, поэтому называл меня каждый раз по-разному: «Тов. Войткевич! Проверьте данные и доложите!», «Тов. Войнич! Разберитесь!», «Тов. Вайнилович! Почему до сих пор нет протоколов из Горностаевки?».

Служебные обязанности мои заключались в том, чтобы ездить по району инспектировать четырнадцать сельских и один поселковый совет и напоминать председателям о необходимости провести очередную сессию или заседание исполкома, составить и прислать протоколы. Передвигался я на автобусах, на местном поезде, на попутках, но в первый раз с Шутовым, когда он вводил меня в курс дела, мы объехали все на председателем «газике».

Приезжаем в первый сельсовет. Там председатель по фамилии Сколота, малограмотный хитрый мужик. Он медленно выходит из-за стола, давая понять, что хотя начальству рад, но чувство достоинства все же имеет.

– К сессии готов? – спрашивает Шутов, сунув ему свои два пальца. – Доклад написал?

– А чего его писать? – возражает Сколота.

– Так, скажу несколько слов, и все.

– Не несколько слов, а доклад на сорок минут.

– Да о чем говорить сорок минут? И пяти минут хватит.

Шутов настаивает: сорок минут. Сколота возражает: несколько слов. И совершенно очевидно, что спор у них игрушечный. Сколота председателем работает давно и знает, что доклад о чем бы то ни было – о подготовке к весеннему севу, об утеплении на зиму коровников или об укреплении социалистической законности, займет не меньше сорока минут. Поэтому что в него будет включен краткий обзор международного положения с критикой агрессивной политики американских империалистов и противопоставлением ей мудрой и миролюбивой политики КПСС.

Покочевавравившись, Сколота соглашается на сорок минут, после чего мы, все трое, направляемся к местному магазину. Заходим. Продавщица выгоняет всех покупателей, объявив, что магазин закрывается на переучет. Затем откидывает доску прилав-

ка и пропускает нас во внутреннее помещение. Там открывает бутылку водки, дает каждому по граненому стакану и соленому огурцу. Выпили, закусили, сели в машину, поехали в следующий сельсовет, где повторяется все один к одному. Шутов говорит председателю: «Сорок минут», председатель спорит: «Несколько слов», потом соглашается, потом магазин, водка и – дальше. На знакомство с кругом моих обязанностей ушло три дня: в день по пять сельсоветов и по пять бутылок водки.

Поступая на эту работу, я думал, что буду принципиальным и неподкупным, но после такого ознакомления с делом, как я мог, приезжая уже в одиночку, отказаться от выпивки с председателем? Так вот ездил и пил. Впрочем, делу это не вредило, потому что дел никаких у сельсоветов не было. Всей жизнью на селе руководили райкомы партии, председатели колхозов и бригадиры.

Кроме поездок по району, в мои обязанности входила проверка протоколов сессий и заседаний исполкомов. Протоколы составлялись полуграмотными секретарями сельсоветов. Один из таких протоколов, посвященный укреплению социалистической законности, помню до сих пор: «На территории сельсовета имеется много детей дошкольного возраста, которые в школу не ходят, а занимаются различными видами пьянки и хулиганства. Просим прокуратуру, райисполком и милицию унять зарвавшихся хулиганов».

Проснулся знаменитым

31 декабря 1955 года отец принес домой новогодний номер «Керченского рабочего» и показал мне в нем стихотворение, подписанное фамилией «Граков».

– Как тебе стихи?

– По-моему, так себе, – сказал я.

– Хорошие, – возразил отец.

И я с ним согласился, потому что стихи были мои. Граковым, по названию деревни, где наш полк стоял в летних лагерях, я подписался, чтобы фамилия не смутила сотрудников газеты и, прежде всего, моего отца. Стихотворение на самом деле было так себе, но на фоне того, что приходило в редакцию самотеком, все-таки выделялось.

8 марта 1956 года, когда я пришел на работу, наша почилая секретарь-машинистка протянула мне очередной номер «Керченского рабочего»:

– Володя, посмотрите какие чудесные стихи!

Она не только мне – всем женщинам в райисполкоме показала стихи, и все они одобрили новое сочинение Гракова. И я с ними согласился.

Если говорить всерьез, и эти стихи были слабые: «Мы растем, мужаем, ты стареешь, а года бегут, бегут... Сколько, мама, вспомнить ты сумеешь из былого радостных минут».

В мои обязанности входила проверка протоколов сессий и заседаний исполкомов. Один из таких протоколов помню до сих пор: «На территории сельсовета имеется много детей дошкольного возраста, которые в школу не ходят, а занимаются различными видами пьянки и хулиганства. Просим прокуратуру, райисполком и милицию унять зарвавшихся хулиганов».

В стихах было описано, как мама, не моя, а вымышленная, комсомолка 20-х годов, совершала стандартные советские подвиги: «Как потом с неведимой сноровкой по полям скакала ты верхом, как тебя на лесозаготовки посылал Воронежский губком...».

Как бы то ни было, стихи эти в пределах Керчи имели очевидный успех. Кто-то из наших учителей вырезал их и вклеил в школьную стенгазету, девушки переписывали их в альбомы. Редакция получила с десяток восторженных отзывов, включая письмо одного из местных членов Союза писателей. А когда в нашей вечерней школе узнали, что Граков – это я, мрачный молодой человек, учитель немецкого языка, пожелал провести со мной беседу. «У вас большое дарование, – сказал он, – и вы должны очень серьезно к нему отнестись». Я запомнил эти слова не только потому, что это было первое серьезное одобрение моих упражнений, но потому, что учитель этот вскоре после нашего разговора (но не вследствие) повесился. Я тот стихок давным-давно позабыл, но моя учительница литературы Татьяна Валерьяновна Фомина помнила его до конца своих дней и читала мне наизусть, когда мы встретились с ней лет сорок спустя.

Окончив школу, я задумался, в какой институт поступать. В райисполкоме мне дали письмо, где говорилось, что Харьковский юридический институт объявляет набор студентов из числа партийных и советских работников, отслуживших в армии. Институт обещал будущим юристам хорошее общежитие и гораздо большую, чем в обычных вузах, стипендию. Я уже стал собирать документы, но после «Матери» передумал их отправлять в Харьков. Из всего написанного выбрал пятнадцать стихотворений и послал их на творческий конкурс в Москву, в Литературный институт имени Горького.

Продолжение следует